

НОВАЯ серия

елена
фанайлова

лена и люди



Елена Фанайлова

Лена и люди

«Новое издательство»

2011

Фанайлова Е.

Лена и люди / Е. Фанайлова — «Новое издательство», 2011

Елена Фанайлова родилась в 1962 году, окончила Воронежский медицинский институт и филологический факультет Воронежского университета, живет в Москве, работает на радиостанции «Свобода». Автор поэтических книг «Путешествие» (1994), «С особым цинизмом» (2000), «Трансильвания беспокоит» (2002), «Русская версия» (2005), «Черные костюмы» (2008). В книге «Лена и люди» собраны стихи последних лет.

© Фанайлова Е., 2011

© Новое издательство, 2011

Содержание

Лесной царь	5
♥	5
♥	6
♥	7
БЕЛЫЕ КОЛГОТКИ	8
♥	9
ЛЕСНОЙ ЦАРЬ	10
1	10
2	10
♥	11
♥	12
СТИХИ НА СМЕРТЬ САШИНЫХ РЫБОК	13
1	13
2	13
♥	15
♥	16
♥	17
♥	18
Испанская баллада	19
ИСПАНСКАЯ БАЛЛАДА	19
P.S	24
P.P.S	25
P.P.P.S	26
Балтийский дневник	29
♥	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Елена Фанайлова

Лена и люди

Лесной царь



Я то, я сё, – говорит один,
Глядясь в зеркала, ла-ла
Я м-м, я н-ца, я стрела
Я такой пиздец от гонца
Я о! я да, я в воде вода
Я в огне змея, у меня чутьё,
Наконец, я рцы

О бедный, бедный, жалкий пацан
Или дева его ребра,
Не крутись у зеркала, как юла.
На тебя глядит Лесной царь.



Хельмут Ньютон сидит в раю
С жемчужиной на хую
В саронге, да

Американский джаз играет военный
Неудобно на пляже на шпильках
И суп с песком

И рыбы не думают оказаться
На берегу, ни одна.

Атавистические знаки
Тростниковые дудочки
Колебания плазмы
Ярко-синий бассейн

Рядом с ним
нет ни женщин, ни автомобилей,
ни нацистов
И он не помнит, что это такое.
Вообще.



Эти восемь пуль из страны слабоносимых
Голоса из земли слабовесомых
Доносятся из-за моря
Она хохочет
Как бы это сказать точнее
Ее видения уплотнились
и дошли до

Кто эти люди, кто эти люди в чёрном
Почему они так прозрачны
зачем я их вижу
почему не плачу
и не боюсь
как в детстве

БЕЛЫЕ КОЛГОТКИ

Я была ментом ла-ла-ла потом
лгала шепотом
речи разума были ниже чем
я тебя никак не увижу, че

не звучат чисто речи мужества
и военные почести
тяжело было все человеческое
чисто нордическое
действительно искалечившее
изменившее оптику
сбившее прицел

Не ходи к моему котику,
Может, он останется цел



Слишком много слов, слишком красивых
Больше не стоит

Костяк, абрис, скелет
Чистая правда, сухой остаток,
Родина или смерть,
Немного ебли,
Сигарета, стакан плохого вина,
Хлеб, тепло —
Все, что интересует

Силы нужны на том свете,
Как в дальнем походе
Пленных туда не берут

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

1

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой
Кармический воин с под-сердцем иглой
Говорит: доченька, я довольно злой,
Но ты меня не бойся.

Я ходил по Дону, ходил по Донцу,
Подойди к отцу, расскажи отцу:
Пусть он туда не ходит

У меня были молния, металл и вода,
Медные провода, небесные невода
И подледные реки

Не бежи волчицей, прижми жопу
К горячему снегу, не стучи хвостом
По наледи, блядь
Со мной уже ничего не случится
Ничего не трогай, запри дверь

2

Я гнал скотину, начался дождь,
Ударила молния, разбила дерево,
Обломился сук, оборвался провод,
Упал и ударил меня

Стояла жена за стеною дождя
Нашла меня в яме с глубокой водой
Налетела буря, ничего не видать,
Ходили искать всем селом

Я похоронен на нашем кладбище
Рядом с твоей бабкой Авдотьей Петровной
Там теперь много желтых синих и красных цветов
Ты же знаешь



Голоса оставили Жанну в темнице
Может быть, они не проникали сквозь камни
Или узница стала им неинтересна?
Может быть, у нее лопнули барабанные перепонки
После пыток?
Может быть, она свихнулась от боли?

Голоса оставили Жанну в покое.
Только собственный визг она слышала
только жалобный вой
Повторяла: *я жаба я жаба я жаба*
Над бездной



Старый Кузмин нестигаемый
в холод советский
будет чирикать как ласточка
в холод собачий возле причала
чертить чертежи

кто нам расскажет, что мир возвращается в славе
что воскресают покойники
в смену с живыми
словно рубахами братья —
телами навыворот
словно крестами товарищи
за перегон обгоняя
как на плотах и болидах
команду меняя

— старый Гомер нестигаемый, мертвый Боян,
сумасшедший слепой Мандельштам?

кто нам расскажет, что мир расцветает как ветка
вишни, черешни, черемухи, яблони, сливы
что поднимаются мертвые, будучи живы,
как ангелы славы?

— раненый Боратынский, горячий Державин, сухой
Ломоносов

и Пушкин, Пушкин, конечно

СТИХИ НА СМЕРТЬ САШИНЫХ РЫБОК

1

См-ть приходит как игрушка
Рыбы дышат в слепоте
Мы крошили им крошки
Счастья, своей мечте

И душе под темною водою
Невозможно отделиться
Видит кто-то с высоты
Наши лица,

Искаженные личным усилием,
Или нам не повезло?
У души не как у пташки крылья,
А как лопасть и весло.

И когда мы утонули,
Бог лицом к стеклу приник,
Как когда ложил в карманы пули
И придерживал за воротник

2

См-ть приходит как наружка
Как в стакан воды подружка
Плюнувшая сгоряча
Хочешь воздуха смешного,
Хочешь жемчуга речного? —
Спрашивает внутренняя психушка.
Ничего я не хочу.

Потому что умер умер
По ночам зудит как зуммер

Мчатся бесы вьются бесы
Почему его могила,
Европейского повесы,
В вечной мерзлоте?
Почему у русской драмы
Вообще, у русской пьесы
Лишь один сюжет?

Почему его могила
Лодку сердца накренила,
Воду зачерпнула?
Почему его невеста
Косы расплескала
Отчего жена дрожала,
С ложечки кормила,
Отчего спасти хотела
Не успела не успела горевала как зола

Граждане, во время артобстрела
Эта сторона костёла
Наиболее опасна и светла



Возможна ли женщине мёртвой хвала,
Или все это бла-бла-бла,
Возможна ли женщине левой?
Нельзя воскресить ей, какая была:
Королевой

Оказалось, что правда и синий плащ,
В который ее завернули.
Говоришь мне с кладбища: ты не плачь,
Мы слишком глубоко нырнули.



См-ть приходила ко мне и стояла близко —
говорит мой брат
Она шутила как Персефона с яблоками,
лгала, была шутиха
То ли ждала, чтобы я разозлился
Я испугался, подумал: спокойно, товарищ, спокойно,
у нас еще все под контролем.
Мой человек назавтра разбился.

В церкви стояли рядом два гроба
Он и шофер
Плакали матери жены и дети
Два лба подошли и шутили грубо
как она в моем сне

Но я не сделал им обрезанья



три души у меня болело
одна бегала не спала
другая себя вела
как дурочка;
третья, вдали ведома,
платком махала

восемь душ поднялись с асфальта
когда я упала
посреди Тверской, посреди столицы
на закате раннего марта

восемь душ собрались в сердечную линзу
которая плавилась и горела
и сияла как Леонардо
на Тверской напротив Почтамта
спиною к Кремлю



...Я ездила с одним таким
по черным улицам Москвы
была жара, и был закрытый черный лимузин
он был одетый как бандит,
потом слегка полураздет
он клал мне руку на живот
и говорил: ха-ха

на плечи мне слетал орел
и грудь мою когтил
народ смотрел на наш роман,
как будто мы народ

потом мы шли в подземный зал,
где каменные зеркала,
где бил фонтан, и он сидел
и пил и брал на понт
и расставался так легко
и что-то говорил

и у него был пятачок,
как бы Татьянин сон

и я отправила его
на фронт, на фронт

2004

Испанская баллада

ИСПАНСКАЯ БАЛЛАДА

В Гранаде
В широкой и белой оправе
Течет осенью мелкая речка
Переступи ногою

Через белые улицы
Ходят мёртвые люди С
реди них Гарсиа Лорка
Который любил этот город
Который его убил

Альгамбра
Выглядит как колумбарий
Американский
*(Возможно, из-за открытой эстрады
Семидесятых годов двадцатого века)*
Памятник мёртвым поэтам
И ебнутым падишам

Которые думали, что они дома
Отдыхали
Правили
Выносили судебные решения

Это чужой, мёртвый город
Хуже живого загаженного Колизея
*(Двадцать лет назад
Римляне еще ходили туда по нужде,
Теперь там выставка Nike'a
Фотографий спортсменов
Олимпийцев)*

Бежевый свет
Сухие крылья животных
См-ть не уходит,
Но и ничего не значит

В Гранаду, в Гранаду,
Где похоронены Фердинанд и Изабелла,
Которые послали Колумба в море
И выгнали из страны евреев,
Надо ехать за черными кружевами

Искусственного шелка

В Кордову
Надо ехать за кожей
Привезенной из Танжера, точнее, из Феса,
За черными кружевами
За мелкими зеркалами
В голубых, красных и коричневых оправках
Составленных из мелких мозаичных кусочков
Они висят в лавках на тесных улицах белого центра
Под белым солнцем
Не знающим тени

В тени, в патио университета,
Философского и филологического факультетов,
Под голубыми и белыми изразцами
Сидят опоздавшие студенты,
Читают Ортегу.
Честное слово.

В dormitorioх Кордовы
Так же прохладно,
Как 500 лет назад,
И так же сталкиваешься, выходя,
Со статуей Маймонида,
А через четыреста метров —
Со статуей Сенеки,
Уроженца этого города.

В Кордове в мелких лужицах
В зеркальцах заднего вида
Лежат перья голубей,
Но почему-то не видно помёта.
Как будто это перья ангелов,
Которые, как известно, не срут.
Маленькие воздушные лужицы,
Фотографии 9 на 12
Над всей Испанией безоблачного неба

Цыганки Кордовы
Ужасно вульгарны.
То ли дело цыганки Гранады,
Говорящие о любви на всех языках,
Протягивающие туристу веточки мирта.

В Танжер
Надо ехать за кожей и коврами.
Там на тебя посмотрят
Глазами убийцы

И брезгливая старая мусульманка
В сером плаще с капюшоном —
Там все так ходят —
От жары, как испанские монахи,
Отодвинет двумя пальцами с пути
Английскую туристку в шортах
И пойдет по узкой улице, где нельзя разойтись двоим,
Нельзя разойтись двоим, моя радость,
Там рамадан, моя радость, нельзя курить,
И мальчишка
Лет двенадцати скажет ужасное замечанье
Типа «рака» датским двадцатилетним девкам,
И они потушат о камни.

И его товарищи
Будут приставать к европейцам:
Купите! Купите! В Испании нету такой туалетной бумаги!
Нету мелочи? Так мы разменяем!
До самого парома

Белый безжалостный свет
Пола Боулза, нож под лопатку
Ненависть чистая, словно спирт,
Но они не употребляют
До захода солнца

В Малаге в соборе
Кукольный театр Страстей Христовых
И Его Святых: черные мультипликационные фигурки:
Св. Франциск, Св. Игнацио и другие.
Картина казни Павла: усекновение главы:
Посередине площади – кровища
Растерянный меченосец-палач
Голова святого в полете окружена сияньем
И Христос, пока незримый для многих
Очевидцев казни,
Крепко стоит, как тореадор, на жилистых мужеских ногах.
Живописец
Дал нам Его наблюдать возле столба, к которому ныне
Привязано безголовое, обезглавленное тело.

Такое наивное садомазо.

Малага, детская родина животной пластики Пикассо,
Мы поднялись на гору, где твоя кастилья,
Видели порт и маленькие фигурки тореадоров
В раме цирка, на арене,
Они готовились к последней в сезоне корриде,
Были видны как на ладони.

И море, море.
Двое студентов, девочка и мальчик,
Рисовали пальмы, карандашные наброски,
Сидя на обрыве, свесив ноги.
Мы спускались вниз на автобусе тридцатого маршрута,
Задыхаясь.

Конечно, отсюда надо бежать
В Толедо, в Мадрид, в Париж.

В Севилье
Туриста везут на площадь Испании,
Похожую на все самые прекрасные площади Европы.
Слишком много торговцев и попрошаек.

В Севильском соборе,
Четвертом по величию в католическом мире,
Показывают могилу Колумба.
Недавняя генетическая экспертиза
Подтвердила, что некая часть его тела
Действительно находится здесь.

Потом мы катались на лодке.
Видели здание инквизиции,
Где я работала в одной из прошлых жизней,
Когда была мужчиной и монахом.
И еще я узнала – но это в Кордовской мечети,
Трижды перестроенной в католический храм, —
Пологий и длинный подъем на купол, без ступеней.
Так обычно строили мусульмане.
Во сне я видела свои мужские сандалии и подол рясы.
Похоронен я был где-то на севере страны,
Вероятно, в Толедо

Потом мы видели табачную фабрику Кармен,
Похожую на казармы Хозе.
Ныне здесь университетская библиотека.
Мериме изучил этнографию и топографию:
Куда они ходили, каким маршрутом,
Крутили бедрами, крутили сигары на бедрах,
Потом написал свою хронику нравов,
Как Достоевский.

В день возвращения в Россию
Мне позвонила подруга
И рассказала:
Другую нашу подругу зарезал сожитель.
Она его более не хотела.
Точнее, ее мать сломала ногу

И требовала повышенного внимания.
А он тоже требовал.
На двоих ее не хватало.

Он вернулся с приготовленной заточкой.
Она почему-то ему открыла.
За день рассказывала соседке:
Снится мне сон, что я падаю в пропасть.
Тридцать ударов нашли на ее теле.
Она осталась там, где сидела,
В луже крови
На кухне.
Голова еле держалась на позвоночном столбе.
Но сияния вокруг не наблюдали
Те, кто делали запись в протоколе,
И не заметили в помещении никого постороннего
С усталым лицом русского крестьянина.

Он сам позвонил сыну,
Маленькому менту,
И сдался властям.
Ничего романтического.
Бывший чеченский контрактник,
Потом охранник магазина.
Она была маленькая училка
Литературы в школе для детей-сирот,
Своих не было.
Иногда давала завхозу в подсобке,
Чтобы он давал ее трудным подросткам
Мыло, порошок и чистое белье.

Его сын требует у ее сестры возвращения
Совместно нажитого имущества.
Сестра отдала стиральную машинку и видеоплеер.
Семья боится, что он быстро выйдет по амнистии.
На суде он сказал:
Я любил эту женщину и скоро с ней встречу.

Ну, это вряд ли.

А еще он сказал, что как только первый раз ее ударил
И сказал: ну всё, тебе пиздец,
Она его поправила: *нет, это тебе пиздец.*
А вот это на нее похоже.

Когда я бываю в других странах,
Я понимаю, зачем
Люди там живут и даже
Зачем они там умирают.

Только про свою родину
Не могу ничего понять.

За два часа до самолета в Малаге
В аэропорту имени Пикассо
Позвонил Точкин и спросил:
Ты уже знаешь о Политковской?
За четыре дня до отъезда
Позвонил Витя Сагарев
И сказал, что умер Шведов.
Лёшка был добрый ангел всех журналистов,
Работавших на Северном Кавказе.
Мы познакомились после Беслана.

Если у Бога есть планы
Находиться рядом с теми, кто страдает,
Если у Бога есть планы
Собирать себе новых ангелов, чтобы они охраняли наши
границы, —
Его действия безупречны.

P.S

Ольга видит Луизу/Ларису довольно сразу,
Но относит это насчет своего психоза.
Лиза приходит со своим отстегнутым шутовским
фаллосом в руке и говорит:
Ну как тут без меня дела? Обстоятельства? Все в порядке?
Знаешь, я написала ему письмо, своему любовнику и
убийце,
Но это сон Наташи,
Чтобы он как-то немного подобрался,
Если готовится.
Здесь все-таки жестко.
А ты, подруга, не пугайся.

Ольга говорит Луизе/Ларисе:
Леська, ты же знаешь, я всего этого не то что боюсь, но
опасаюсь.
И твоих нездешних понтов, и твоих прежних понтов,
связанных с алкоголем и садомазо,
И твоих прежних синяков на шее,
И нынешнего состоянья,
И твоего агрессивного парня в отсидке,
И этого шевеления занавесок,
И твоего отчетливого призрака рядом с моей кроватью.
И парни мои спят, Марк и Михаил.

Одному завтра на дежурство, другому в школу.

Не тревожь ты меня, Луиза,
А с твоей мамой мы как-нибудь разберемся,
Я ее не обижу,
Сделаю как она просит,
Буду получать за нее пенсию от австрийского брата
И откладывать на ее похороны.

Тут пропели петухи, Лариса кивнула согласно
Неотрезанною головою и растворилась.

P.P.S

Ксения, соломенная Лешкина вдова, говорит из Питера

(Она чуть старше Собчачки; наверное,
В те годы у них было модно называть младенцев женского
пола
В предчувствии неоправославного культа
Ксении Петербуржской,
Основанного известным мракобесом
Святым Иоанном Кронштадским.

Моя-то – не гламурная коза, моя – филолог —
фольклорист,
Знает толк в народных причитаниях;
Они с Лехой познакомились
Где-то на шоссе, по пути в Ферапонтовский монастырь
Несмотря на подобные путешествия, покойный остался
некрещеным.)

Короче, Ксения мне отвечает
На вопрос, снился ли ей Леха,
Примерно таким образом:
Как мне сообщили православные ортодоксы,
Все, что нам снится,
Является проекцией
Наших проблем, связанных с умершими.
У них в это время совсем другие заботы.
Им надо предстоять перед Господом,
Его судом.

(Каким судом, думаю я, нах, Ксюха,
Лёшке, который ездил в Чечню и Беслан как на работу
И заботился не о жратве и славе, а об униженных и
оскорбленных?

О мертвых и поруганных?

Впрочем, конечно, многих его грехов я не знаю,
Прежнего тяжелого алкоголизма И веселого мрачного блядства.
Не моего досужего ума это дело.

Вообще, некрещенные, как нам рассказывают ортодоксы,
Всегда находятся под подозрением.)

Но тут она мне говорит:
Когда я шла с кладбища
Одна на девятый день, а там километра два, как ты
помнишь,
До жилья, и это ноябрь,
На повороте стояли менты.
Они вышли из машины
И явно намеревались проверить бабу
Подозрительной наружности
В платке и с рюкзаком, как бомжиха-хиппушка,
Что я делаю в районе элитного дачного поселка
На Рублево, блядь, на Успенском шоссе?

И тут я взмолилась: Алексей Юрьевич!
Ты же всегда разруливал такие ситуации.
Ты умел говорить с ментами как с братьями,
Со зверьми – по-человечески.
Дай мне пройти невидимой меж римских стражников.

И он это сделал, я клянусь тебе, Лена.
И я уехала домой вечерним поездом.

P.P.P.S

*...невозможно быть,
чтоб мы в своем веселом пированье
забыли Джаксона!
Молодой человек, «Пир во время чумы»*

Я никогда не остановлюсь,
Послушай меня, Ларис,
Когда при жизни ты не велась
Среди остальных вилисс.

Ты там с отрезанной головой
И результат нулевой
И Оля видела: ты в блиндаже.
Вылазь, не сиди уже.

И там окурочки в банках шпрот
С твоей помадой на ободке,
И кто их теперь подберет,
И пьяненькие поют
Под мелким дождиком сефирот
И водки не всем дают

Олька встала на машине
Посреди реки-моста,
Посреди большого мира
Среднерусской полосы
Ты ей руку протянула,
Говоришь: не ссы.

По гороскопу ты была Весы.

Лиза, Лиза, в нашем доме
Выпекают пироги
На твои ли на поминки
Полюбовники-враги

Твоя мама звонит его
Маме и говорит: ничего, ничего.
У нее в голове вода
После суда от малых транков.
И говорит: оба они в тюрьме
Она в бесконечной тьме
А он еще все-тки выйдет

Лиза, не сиди во тьме, докажи,
Что Господь все видит

Мне всегда казалось, что ты маньячка
Ебли и алкоголя, их маячок,
Гипоталамическая обманка,
И папа – род прекрасного военного дебила,
И мама – школьная училка
И ты сама училка
В школе цветов зла

Лиза, не сиди в блиндаже
Я тебя ненавижу

Ты же бесстрашная, Лиза, ну же,
Когда он пересказывал тебя на суде —
Это так на тебя похоже.
Ты, оправдание всем блондинкам,
Давала ему по роже,
Потому что ума до хуя

То есть дó пизды
И ты со своим нравственным чувством
Не трусливая я,
Способная только на прописи

Алкоголя мне, алкоголя.
Он любил ее, не мог с этим справиться,
Не мог иначе,
Говорит теперь Оля
Цитируя нашего Гоголя
Как какой-нибудь, блядь, человек Версаче
Добавляю я

2006

Балтийский дневник

У меня есть внутренний негр. Выражаясь политкорректно, чернокожий афроамериканец. Он носит голду и дизайнерские треники, нюхает кокс, немерено бухает и отрывается со своей подружкой Джей Ло (внутренней героиней одного реального молодого человека), их совместные эскапады освещаются желтой прессой. У него имеется пушка, в подпитии и в дурном настроении он начинает ею размахивать перед случайными собеседниками. Основное его занятие – сочинение и исполнение рэпа. Это приносит ему немалый доход. Его зовут Пафф Дэдди. Как его занесло на русскую Балтику, непонятно. Остается загадкой и его знакомство с русской поэзией и местными реалиями. Вашему вниманию предлагается концерт, который в припадке яростной мизантропии он дал в одном из виртуальных клубов мирового безумия¹.

¹ Предисловие к публикации, написанное по просьбе редакции журнала «Знамя», которую смущал странный вид текста.



*Здесь птицы не поют и деревья не растут и только мы
плечом к плечу ничё не говорим врачу. Сидим сычом
и мыслим как кастрат сначала морда кирпичом но нам
не то чтоб нипочём весь этот груз, скорей наоборот.
Не Камасутру продают, поют Бардо Тёдол и русскую
Псалтырь. Когда пройду я мрачный дол, где тьма кругом,
где мрак кругом, тогда тебе скажу: держись крепче
Катарина сейчас поскачем. Как чёрт с Вакулой на плече,
как команданте Че. Мы этот мир перехерачим. Мы
переходим этот ад болота и холмы и солнце низкое назад
катится к обезьянам тьмы автоматическим письмом где
ждет его самум теней и только мы себе самим шептали
в ухо как Эней: не сдадим, хотя сдавали наперед*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.